

А. Мальцев

Новая книга Базылия Бялокозовича

Творчество профессора Базылия Бялокозовича поражает неисчерпаемостью и даже универсальностью: уже около тысячи публикаций — книг, статей, рецензий — посвящено главным образом русской литературе, ее общеславянскому и мировому значению, культурным связям Польши с восточными славянами, развитию белорусской культуры. В центре интересов польского слависта — творчество Льва Николаевича Толстого в его польских, общеславянских и общеевропейских контекстах. В этой отрасли литературоведческой науки Б. Бялокозович трудится уже более полстолетия. Среди его важнейших публикаций — монографии «Связи Льва Толстого с Польшей» (*Lwa Tolstoja związki z Polska*, 1966), «Мариан Здзеховский и Лев Толстой» (*Marian Zdziechowski i Lew Tolstoj*, 1995). И вот новый том толстоведческой «трилогии» «С польской страницы Льва Толстого»¹.

Первая монография была посвящена взглядам Толстого на Польшу и польскую литературу; увенчанием всей системы суждений и оценок стал рассказ «За что?», «уникум в русской литературе» (Мария Домбровская). В книгах последних лет акцент переносится с высказываний Толстого о Польше на рецепцию Толстого в Польше. Новую трактовку получает религиозно-нравственное учение писателя во взаимосвязях с его художественными сочинениями. Именно поэтому внимание исследователя привлеч философ-идеалист Мариан Здзеховский, который «прежде всего был поглощен морально-религиозным аспектом толстовства»². В новой книге в соотношении с наследием Толстого реконструируется творческая биография еще семи классиков польской литературы и общественной мысли: Элизы Ожешко, Станислава Стемповского, Яна Каспровича, Станислава Виткевича (старшего), Станислава Пшибышевского, Яна Бодуэна де Куртэнэ, Юзефа Чапского. Отношение к Толстому в Польше неоднозначно: в книге идет речь о тех, для кого Толстой был самым важным писателем (Виткевич) и для кого встреча с его произведениями — лишь эпизод (Каспрович), кто почти целиком разделял взгляды Толстого (Бодуэн де Куртэнэ) и кто их не принимал (Пшибышевский). Так или иначе книгу о

Толстом пронизывает глубокое сознание необходимости творчества русского писателя для духовных исканий польской интеллигенции. Поэтому особенно близка автору точка зрения Ярослава Ивашкевича: «Этот мир (Толстого. — Л.М.) — такая огромность, такое пространство, что его даже трудно объять мыслью» (44)³. И даже одна-единственная «польская страница» таит в себе множество исследовательских «сюжетов».

Уже при первом взгляде выявляется закономерность: почти все из выбранных авторов принадлежат сфере «пограничья» народов и их культур — отсюда несомненная открытость писателей восточным соседям. Например, Элиза Ожешко, автор прекрасных повестей о белорусских крестьянах, «почла своей обязанностью настойчиво подчеркнуть непреодолимую монолитность творческой личности великого русского», однозначно принимая и Толстого-художника, и Толстого-проповедника (47). Показательно отношение Толстого к творчеству Ожешко. Б. Бялокозович справедливо обращается к вопросу — как к ключевому — о ненаписанных предисловиях Толстого к произведениям «Хам» и «Меир Езофович». Конечно, произведения Ожешко не имеют толстовской широты. Но ведь в них, как нигде, польская писательница свободна от поверхностного дидактизма, трогательно рассказывая о людях, живущих согласно заповедям любви и смирения. Одна из самых заметных фигур «польской страницы» Толстого — Станислав Виткевич, руководитель натуралистического журнала «Вендровец», творец народного, так называемого «закопанского» стиля в литературе и живописи, становление которого прошло под знаком двух выдающихся людей: Толстого, «великого и бескомпромиссного гуманиста с мировой репутацией», и Мицкевича, «вдохновителя и сторонника польских идеалов независимости» (131). Проникновенно и пронизательно Б. Бялокозович рассказывает о плодотворных «встречах» Виткевича с гением Толстого, об «отражении» идей и образов великого писателя в программном тексте «Христианство и катехизис», в известных художественных сборниках «На перевале» и «Из Татр», разумеется, с особым учетом перевода на горский язык Татр рассказа Толстого «Чем люди живы?» (*Cem ludzie żyją*). Станислав Стемповский, с его польско-украинским самосознанием, открыл для себя Толстого уже в юные годы, сохраняя и в дальнейшем устойчивый интерес к русскому писателю. Результатом стал польский перевод романа «Воскресение», опубликованный в 1900 году. Личность Яна Бодуэна де Куртэнэ, ученого-языковеда с широким кругом общественно-политических и литературных интересов, показана через воспроизведение его контактов с Толстым, например, через участие ученого в подготовке к написанию рассказа «За что?» и сохранившуюся в отрывках статью Бодуэна о Толстом и о проблеме смертной казни. Наконец, Юзеф Чапский, представитель белорусско-польского «пограничья», учившийся в Петербурге, художник и прозаик весьма сложной судьбы и

столь же сложного отношения к России, духовным формированием тоже во многом обязан Толстому — и как создателю этической доктрины, и как автору незабываемых произведений (подтверждение чему находим в «Дневниках» Чапского).

Ян Каспрович и Станислав Пшибышевский, ведущие декаденты-символисты и, кстати, земляки (оба родились на Куявах), вливаются в европейское течение, противопоставляющее себя толстовской моральной доктрине. Так, Каспрович, который, по Б. Бялокозовичу, не выказывал особого интереса к русской словесности (хотя и был женат вторым браком на Марии Буниной), безусловно, ценил гений Толстого как рецензент театральных постановок «Власть тьмы» и «Воскресение», тонко анализируя и сам оригинал, и его трактовку на польской сцене. Пшибышевский, вовсе не склонный к комплиментам в адрес Толстого, представлен как его идейный антипод постольку, поскольку популярность Пшибышевского была в свое время даже сопоставима с популярностью автора «Войны и мира».

Книга Б. Бялокозовича — не просто цикл очерков, это своего рода хроника восприятия Толстого во всемирной, в том числе польской, литературе. Упомянуто более полусотни польских писателей. Фактографическое здание автор строит, опираясь на архивные материалы, в том числе эпистолярные источники. Случалось, что отношение к Толстому было пристрастным, даже предвзятым, но никогда не было равнодушным. Польский профессор доказывает, что как бы ни менялась общественно-политическая атмосфера, творчество Толстого образует духовную «константу», которая придает смысл и направление развитию всего человечества. Новая книга — несомненное событие в польской русистике, в русско-польской науке о взаимных литературных связях.

¹ *Białokozowicz B. Z polskiej karty Lwa Tołstoja. Nowe i zapomniane o Tołstoju i jego recepcji w Polsce, Olsztyn, Wydawnictwo UWM 2003, 250 s. (Бялокозович Б. С польской страницы Льва Толстого. Новое и забытое о Толстом и его восприятии в Польше. Ольштын: Изд-во Варминьско-Мазурского ун-та, 2003. 250 с.).*

² *Białokozowicz B. Marian Zdziechowski i Lew Tołstoj, Białystok, "Łuk", 1995. S. 6 — пер. Л.М.*

³ Здесь и далее цитируется по рецензируемому изданию с указанием страницы в тексте.

